

Михаил Булгаков как «сын лейтенанта Шмидта»

Сергей Безруков в роли Иешуа Га-Ноцири «в роли» Иисуса Христа. Кадр из фильма Владимира Бортко «Мастер и Маргарита» (2005 г.).

Снова приходится сталкиваться с бредовой (другого слова не подберешь) трактовкой идеологии романа М.Булгакова «Мастер и Маргарита» как криптохристианского послания, введенной в обиход «православной культуры» религиозным софистом Андреем Кураевым. Дескать, роман Мастера в романе Булгакова это намеренная демоническая пародия на Евангелие как сатира на литературу в духе толстовщины, которую Булгаков сделал с позиций ортодоксального сознания.

«Сохранилась авторская “Разметка глав”, датированная 6 октября 1933 года. <...> 11-я глава: “Евангелие от Воланда” [Неизвестный Булгаков. М., 1993. С.409]. В 1932 году Булгаков полагает, что его роман может называться “Черный богослов” [Неизвестный Булгаков. М., 1993. С.408]. Работа этого “богослова” состоит в изготовлении карикатуры на Христа. То, что эта карикатура не вызывает согласия у самого Булгакова – уже было показано. Но все же не сатану высмеивает Булгаков, не с Воландом он схватился. “Шмыгающий носом” Иешуа – карикатура на атеистический (толстовский) образ Христа» (Кураев А. Мастер и Маргарита: За Христа или против? Цит. по изд.: М., «Русская Православная Церковь», 2004).

Спрашивается, из чего это следует? Каковы филологические доказательства такого утверждения? Покажите это из булгаковского интертекста (предварительных материалов к роману, дневниковых записей и комментариев автора, его писем, других автологических текстов), как это принято у серьезных людей... Доказательство своей «теории» у Кураева, по

сути, только одно: Михаил Булгаков, видите ли, был сыном профессора богословия и вообще из церковной семьи и поэтому «не мог не знать» догматического учения Церкви и не разделять его...

«У Булгакова было церковное детство. Оба его деда были священниками, а отец, Афанасий Иванович Булгаков (1857–1907), – профессор Киевской Духовной Академии, оставившим ряд монографий по сравнительному богословию. Крестный отец Михаила – профессор Киевской духовной академии Н. И. Петров, несмотря на большую разницу в их возрасте, был позже другом своего крестника. Венчал Михаила Афанасьевича святой новомученик протоиерей Александр Глаголев (он, кстати, тоже был богословом и выступал экспертом по делу Бейлиса). Знаменитый богослов протоиерей Сергей Булгаков также находился в родстве с Михаилом Афанасьевичем» (Кураев А. Мастер и Маргарита: За Христа или против?).

«...тому, кто размышляет над биографией и творчеством Булгакова, всегда надо иметь в виду: что бы ни происходило со старшим сыном доктора богословия в первые годы после смерти отца и в последующие десятилетия – все это воздвигалось на фундаменте, заложенном в детстве: он был уже невынимаем» (Чудакова М. Жизнеописание М. А. Булгакова. М., 1988. С.44 / Кураев А. Мастер и Маргарита: За Христа или против?).

И вот этот «научный» лепет «ученого мужа» прочно вошел в умы читательских масс на правах какой-то общеизвестной истины, неоспоримого научного факта. Между тем даже с точки зрения элементарной вероятности во многих случаях дети не наследуют ни профессию родителей, ни даже их мировоззрение, по причине рокового антагонизма «отцов и детей», известной склонности последних к бунту, поиску «своего пути», что было особенно характерно для того революционного времени. Что, собственно, и случилось с самим Михаилом Булгаковым. «...уже через три года после смерти отца (т.е. в 1910 году) его сестра Надежда записывает в своем дневнике: “Миша не говел в этом году. Окончательно, по-видимому, решил для себя вопрос о религии – неверие” [Соколов Б. Булгаков. Энциклопедия. М., 2003, с.545]. Он не носил нательного крестика [Чудакова М. Жизнеописание М. А. Булгакова. М., 1988. С.387]. Были и увлечения наркотиками. Его первой жене пришлось делать аборт еще до венчания... Не стоит удивляться, что он давал довольно едкие зарисовки из церковно-приходской жизни. Свидетельства о его участии в литургической жизни Церкви мне не попадались» (Кураев А. Мастер и Маргарита: За Христа или против?). «По собственному завещанию Михаила Афанасьевича Булгакова – внука сельского священника, его хоронили без церковного отпевания, с кремацией тела» (Часовников Р. [Шапочка для Мастера](#)). На заочном отпевании (то есть, вопреки воле покойного), по свидетельству Земской Е. А., настояли родственники, совместив церковный обряд с кремацией (Земская Е.А. Михаил Булгаков и его родные. Семейный портрет. М., 2004. С.192).

Не говоря уже о том, что само использование аргумента «от предков» говорит о том, что у исследователя нет убедительных доказательств его теории, а

значит, перед нами просто «чайник», то есть, профан, подгоняющий факты под свою «оригинальную» гипотезу. «Приемы Кураева те же, что и у прочих любителей подобных сочинений. Не зря у него столько ссылок на другого рьяного ниспровергателя истин – Альфреда Баркова. Оба они пишут одинаково – плетут многословную велеречивую паучью сеть, двусмысленно толкуя и выворачивая наизнанку любой известный факт. Причем каждое полученное таким образом спорное предположение при последующем выводе используется ими уже как незыблемый факт. Любое из их толкований легко оспорить в отдельности, но, вываленные в совокупности на неподготовленного или слишком доверчивого читателя, они могут показаться достаточно серьезным исследованием» (Цыбульник С. «Мастер и Маргарита»: диакон и диавол, или о занимательном богословии Кураева. [Электронное издание](#). С.26).

И вот в очередной раз эту кураевскую «лапшу» тиражирует другой «ученый муж» прот. Геннадий Беловолов в своей статье на РНЛ.

«Михаил Афанасьевич Булгаков одновременно является наследником наших классиков и церковной духовной культуры. Ни один наш классик не может похвалиться происхождением от протоиерея, от представителя духовенства, кроме Чернышевского» (прот. Геннадий Беловолов. [«Это – роман о Христе»](#)).

Вот именно. Пример Чернышевского (подобный случаю самого Михаила Булгакова) как раз и опровергает софизм Кураева, разрушает его, как тот дом, построенный на песке. Но вместо того, чтобы, наконец, «включить голову», о. Геннадий объясняет этот «парадокс» тем, что Чернышевский не стал классиком литературы именно по той причине, что не унаследовал (как это, то бишь, сделали другие «русские классики») православного сознания от своего отца...

«Но я думаю, что Николай Гаврилович скорее классик марксизма-ленинизма, чем русской литературы – его роман остаётся за скобками нашей классической литературы. [В то время как. – А.Б.] Булгакову на роду было написано соединить в себе церковную культуру, традицию, менталитет и русскую традиционную классическую культуру. Михаил Афанасьевич, по сути, поповский сын – Алеша Попович среди богатырей русской литературы. Он воспринимал наших классиков Достоевского, Толстого и Чехова как своих духовных отцов. Одновременно имея отцом богослова, учёного протоиерея Афанасия Булгакова. Михаил Афанасьевич был одним из немногих, кто смог настолько глубоко и символично соединить в себе светскую и церковную культуру, что немногим удавалось сделать» (прот. Геннадий Беловолов. [«Это – роман о Христе»](#)).

А это уже в ход пошли штампы «парижского богословия» как софистики теологической, которые Кураев вместе с Беловоловым унаследовал от «лейтенантов Шмидтов» отечественного богословского модернизма. «Соединение светской и церковной культур» как основная добродетель этой публики – это то, что в терминологии Флоровского называется «неопатристическим синтезом», который, в свою очередь, и заключается в

смешении церковного и мирского гнозиса, в частности, идей немецкой классической философии, в чем, собственно, и заключается основной механизм богословского модернизма как неогностической профанации Христианства. Поэтому и масонский по духу роман Булгакова получает в этой лжехристианской среде полное одобрение, удостоивается высоких оценок как апологический в отношении Евангелия, «истинно христианский».

«...как известно, это был метод Достоевского, который говорил о Христе, минимально употребляя Его имя. Он соблюдал заповедь: не произноси имени Божиего всуе. Секрет Достоевского кроется в том, что, не произнося имя Христа, говорил только о Нём» (прот. Геннадий Беловолов. [«Это – роман о Христе»](#)).

Кому это «известно»? Из чего это следует? Кому интересно ваше мнение? Покажите это из достоверных источников – это одно имеет значение в науке. Не говоря уже о том, что в реальности дело обстояло противоположным образом: мало кто с такой легкостью употреблял слово «Христос», как Достоевский, у которого даже «идиот» Мышкин в предварительных записях к роману фигурирует как «*Князь-Христос*». И такое богословское «суесловие» объясняется тем, что он вкладывал в своего «Христа» то же самое религиозно-гуманистическое (именно что толстовское) содержание, что и Булгаков в своего Га-Ноцри. «Но текст романа, письма, дневники и другие документы Булгакова и его друзей и близких однозначно свидетельствуют, что роман писался именно о Христе и Дьяволе: "Взор ее притягивала постель, на которой сидел тот, кого еще совсем недавно бедный Иван на Патриарших убеждал в том, что дьявола не существует. Этот несуществующий и сидел на кровати"» (Булгаков М. Мастер и Маргарита. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. –К.: Дніпро, 1989, с. 579). <...> и в семейном дневнике Булгаковых роман в 37-м году характеризуется исключительно как роман «О Христе и дьяволе» или «роман о Воланде»» (Дневник Елены Булгаковой. М., «Книжная палата», 1990. С. 146, 148 / Цыбульник С. «Мастер и Маргарита»: диакон и диавол, или о занимательном богословии Кураева. Цит. изд. С.20-21).

В том же «Дневнике» последней жены писателя Е.С. Булгаковой приводится следующее его высказывание: *«Я не то что МХАТу, я дьяволу готов продаться за квартиру!»* (Собр. соч. М.А. Булгакова в 10-и томах. М., «Голос», 2000. Т.10. С.146). Почему можно продаться дьяволу за квартиру? Потому что в гностицизме дьявол это не зло в чистом виде, но *«часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо»* (эпиграф романа из «Фауста»). В частности, может дать квартиру. Как это, собственно, и происходит в романе с Мастером как типичным альтер эго автора. Для ортодоксального сознания даже помысел о сделке с дьяволом невозможен, ибо это означает духовный суицид. А здесь «избавлять нас от лукавого» не обязательно, потому что это не худший вариант развития событий для человека. Да, Воланд совершает в романе возмездие над безбожниками. Но это отнюдь не делает его антихристом в ортодоксальном понимании. Это опять гностический «антихрист», Люцифер как «соратник Бога», или модус «абсолюта». Это стандартная для гностицизма диалектика добра и зла, которые дополняют друг друга, обеспечивая духовное развитие человека, доведение его до состояния гностического «спасения». «Основная тема

романа лежит совсем в иной плоскости, чем видится современным прозелитам христианской религии, – это плоскость не борьбы, а двуединства или относительности Добра и Зла. Как отмечает И. Бэлза: "Обобщив громадный мифологический материал, Булгаков показал неразрывную взаимосвязь «света» и «тени»" <...> Этот же факт подчеркивает и Б. Соколов: "Булгаков в «Мастере и Маргарите» воспринял дуализм древних религий, где добрые и злые божества являются равноправными объектами поклонения"» (Белза И.Ф. Генеалогия «Мастера и Маргариты». М.: Наука, 1978, С.206 / Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. М.: Алгоритм, 2003. С. 194 / Цыбульник С. «Мастер и Маргарита»: диакон и диавол, или о занимательном богословии Кураева. Цит. изд. С.20).

Отсюда идея апокатастасиса как доминанта религиозной идеологии романа Булгакова. Коровьев, как следует из сюжета, это некий «заколдованный» средневековый рыцарь («бывший регент»), который совершил какой-то непростительный гностический «грех» в своей жизни (один единственный), и этот «должок» ему теперь надлежит вернуть, работая на дьявола (Воланда) после смерти, то есть, как бы в гностическом «чистилище». Поэтому в конце романа он опять превращается в величественного рыцаря, скачущего по небу на Пегасе, ибо вина уже «искуплена» им, «долг полностью уплачен» неблагодарной работой по наказанию других грешников (как палача своего рода).

«— Почему он так изменился? — спросила тихо Маргарита под свист ветра у Воланда.

— Рыцарь этот когда-то неудачно пошутил, — ответил Воланд, поворачивая к Маргарите свое лицо с тихо горящим глазом, — его каламбур, который он сочинил, разговаривая о свете и тьме, был не совсем хорош. И рыцарю пришлось после этого прошутить немного больше и дольше, нежели он предполагал. Но сегодня такая ночь, когда сводятся счеты. Рыцарь свой счет оплатил и закрыл!» (Булгаков М. Мастер и Маргарита / Собр. соч. М.А. Булгакова в 10-и томах. М., «Голос», 1999. Т.9. С.506-507).

Подобное, стало быть, когда-нибудь ждет и остальных членов «свиты» Воланда, то есть, «восстановление» их в своей «абсолютной» природе.

Тот же «апокатастасис» претерпевает Понтий Пилат. «Осужденный» (за гностический «смертный грех» трусости) на тысячи лет сиденья на прокураторском троне и созерцание Вселенной где-то на вершинах Альп, в финале он получает «досрочное освобождение» и вместе со своим псом прямиком направляется в обитель своего небесного Друга Иешуа Будды (или Аб-Салюта), выходящего навстречу Понтию, как отец к блудному сыну в евангельской притче.

«— Двенадцать тысяч лун за одну луну когда-то, не слишком ли это много? — спросила Маргарита.

— Повторяется история с Фридой? — сказал Воланд, — но, Маргарита, здесь не тревожьте себя. Все будет правильно, на этом построен мир. <...> Воланд опять повернулся к мастеру и сказал. — Ну

что же, теперь ваш роман вы можете кончить одною фразой!

Мастер как будто бы этого ждал уже, пока стоял неподвижно и смотрел на сидящего прокуратора. Он сложил руки рупором и крикнул так, что эхо запрыгало по безлюдным и безлесым горам:

— Свободен! Свободен! Он ждет тебя!» (Булгаков М. Мастер и Маргарита / Собр. соч. М.А. Булгакова в 10-и томах. Цит. изд. Т.9. С.508-509).

И все это (обращаем внимание подслеповатых Кураева и Беловолова) происходит не в романе Мастера, но в романе Булгакова, потому что это и есть догмы его собственной религии. Вернее – это типичная каббала и масонство, классическая для гностицизма концепция зла и греха как очистительных сил. Поэтому и масонский эпитаф из Гете стоит не перед романом Мастера в романе Булгакова, но перед романом самого Булгакова как его основная идея.

Тот же самый космогенез происходит и с главными героями, Мастером и Маргаритой, которые «согрешили», получив от дьявола квартиру, выигрыш в лотерею и прочие приятные подарки, и за это лишись «покоя» нирваны в загробном мире, куда их сразу не пустил гностический «Спаситель» Га-Ноцри. Но так как «грех» их «не к смерти», им в «чистилище» булгаковского загробного мира отводится «лоно Авраамово», скоротав в котором всего каких-нибудь несколько тысяч астральных лет, они, как и все остальные, созревают для «покоя» гностического «царства небесного», и на ведущей в него звездной дорожке их встретит сам бог гуманизма Иешуа.

«— Так, стало быть, этим и кончилось? <...>

— Конечно, этим. Все кончилось и все кончается... И я вас поцелую в лоб, и все у вас будет так, как надо.

Она наклоняется к Ивану и целует его в лоб, и Иван тянется к ней и всматривается в ее глаза, но она отступает, отступает и уходит вместе со своим спутником к луне. Тогда луна начинает неистовствовать, она обрушивает потоки света прямо на Ивана, она разбрызгивает свет во все стороны, в комнате начинается лунное наводнение, свет качается, поднимается выше, затопляет постель. Вот тогда и спит Иван Николаевич со счастливым лицом» (Булгаков М. Мастер и Маргарита / Собр. соч. М.А. Булгакова в 10-и томах. Цит. изд. Т.9. С.522).

Логикой апокатастасиса обусловлен и основной «догмат веры» Га-Ноцри в то, «все люди добрые», а «злых людей нет на свете». Что означает, что существующее, конечно, в людях зло представляет собой преходящий феномен остающейся «в себе» доброй человеческой природы. Поэтому до этого религиозного гуманизма в романе договаривается даже Воланд: «Люди, как люди... в общем, напоминают прежних... квартирный вопрос только испортил их». Если в Христианстве грех прародителей делает по преимуществу злой саму человеческую волю и неисправимо греховной саму человеческую природу, носителями которой они являлись и которую передали всем и каждому потомку «ветхого Адама», то в гностицизме грех нереален

(как «майя» в буддизме), потому что не существует Тот, против Кого можно согрешить. Поэтому и дьявол гностика амбивалентен, или антропоморфен. И поэтому в мире Булгакова нет не только по-настоящему злых людей, но и необратимо злого дьявола.

Таким образом, автором гностического «Евангелия от сатаны» в «Мастере и Маргарите» является не вымышленный герой Мастер – страдающий, как все художники, духовным нарциссизмом («бесовской прелестью»), но, разумеется, сам Михаил Булгаков. Потому что сатана (Люцифер) в новом гностицизме (каббале и масонстве) это модус «абсолюта», часть единой субстанции бытия, обеспечивающая слаженную работу всего механизма мироздания, в частности, выполняющая функцию «самовосстановления» его греховного повреждения.

«Булгаковский роман – это провокация. Но и сам Христос провокативен. Христос – это Бог, который прячется на земле. Его цель была взойти на Крест. Но искупительная жертва не состоялась бы, если бы фаворская слава Христа была бы очевидна всеми и всегда. И потому Он прячет Свое Божество под “завесой плоти” (Евр. 10:20), в “образе раба” (Флп. 2:7). А то, что спрятал Бог, человек найти не может. Поэтому Христос говорит ученикам: “Не вы Меня избрали, а Я вас избрал” (Ин. 15,16). Поэтому и на Кресте Он молится о Своих палачах – “Отче! прости им, ибо не знают, что делают” (Лк. 23:34). Поэтому Он говорит о хулящих Его, что хула на Сына Человеческого простится (см. Мф. 12:31)» (Кураев А. Мастер и Маргарита: За Христа или против?).

Но ведь то, что было «спрятано» во время земной жизни Христа, во времена Булгакова было уже давно открыто Священным Преданием и самим Евангелием как Откровением божественных истин. Как же можно так подменять понятия? С такими дьяконами и дьявола не надо.

«Булгаков от противного подталкивает ко Христу. О Христе очень трудно писать, ибо о Нём уже столько написано, тем более, есть Первоисточник. Поэтому написать о Христе так, чтобы о Нём читали – надо суметь. И многие ли из писателей справились с задачей написать о Христе? Таких писателей, которые написали бы о Христе так, чтобы их читали – можно перечесть по пальцам. Достоевский, Булгаков. А из современных писателей, кто написал о Христе? Евангелие требует рецепции – не просто повторения и клонирования, а осмысления. Может быть, даже несогласия, спора. Господь ведь не отругал апостола Фому за сомнение. Он разрешил ему коснуться Своих ран и убедиться. Так и литература может вступать в диалог, в спор или высказывать своё непонимание. Может быть, Булгаков в своём образе Христа кается в непонимании истинного Христа. Он хотел понять Христа, ведь в его сердце была заложена любовь к Нему. Без любви ко Христу роман “Мастер и Маргарита” никто бы не написал» (прот. Геннадий Беловолов. «[Это – роман о Христе](#)»).

Между тем, живи Булгаков в Средние века, его роман неминуемо попал бы в разряд «отверженной» (то есть, еретической) «литературы». Не только роман

Булгакова (как роман Мастера – в «Мастере и Маргарите») сожгли бы в огне, но и его самого как страшного еретика (что, впрочем, с ним и так сделали по его завещанию), вводящего в соблазн сынов Церкви и губящего их души. И, как показывает история, правильно сделали бы, чтобы другим было неповадно; чтобы общество не забывало, что кощунство подлежит неотвратимому преследованию и беспощадному наказанию как особо тяжкое преступление. Наглядные примеры отца Геннадия Беловолова и уже «бывшего» отца Андрея Кураева как раз и показывают, что последствия такой литературы поистине разрушительны не только для неокрепших умов мирян, но и для духовенства, имеющего, казалось бы, богословское образование и – глупеющего прямо на глазах, как только в их руки подаются гностические романы. И отказ от доказательств (алогизм, адогматизм, «поэтическая» мифичность, одним словом, религиозная софистика) новой ортодоксии – это именно свойства лукавого, того самого духа, которым написаны эти романы и который переключивается в буйные головы отцов нового поколения. «В течение всей своей сознательной жизни Булгаков был совершенно равнодушен к религиозной жизни и православным обычаям. Даже в самые святые православные праздники, – на Рождество, Пасхальную неделю и Троицу, – он не изменял своим привычкам и, как обычно, ходил в гости играть в карты или проводил ночь в ресторане. <...> Как свидетельствуют неопровержимые документы, Булгаков никогда не носил нательный крест, не посещал храм, не принимал Таинств и сам себя не считал православным христианином. Так же, как и глубоко уважаемый им Лев Толстой, он добровольно поставил себя вне православной Церкви. Даже на пороге смерти Булгаков не стал причащаться, и завещал, чтобы его тело кремировали без отпевания и не ставили крест на могиле. Среди близких друзей Булгакова были и отъявленные безбожники – например, постоянный карикатурист журнала "Безбожник" М. Черемных» (Цыбульник С. «Мастер и Маргарита»: диакон и диавол, или о занимательном богословии Кураева. Цит. изд. С.18).

Александр Буздалов